

Егор Шиенков

Теория большой игры

Егор Шиенков

Теория Большой Игры

«Автор»

2012

Шиенков Е. В.

Теория Большой Игры / Е. В. Шиенков — «Автор», 2012

История одного самого обычного человека по имени Максим. Настолько обычного, что это ввергает его самого в глубокую депрессию. Находясь в таком состоянии, он даже всерьез задумывается о самоубийстве. В момент, близкий к реализации задуманного, в его квартире таинственным образом появляется странная личность. С видом человека, подробно знающего предмет, незнакомец начинает довольно цинично и обыденно рассуждать о таких вещах как устройство мира, смысл жизни и даже Бог. В итоге он велит Максиму называть себя Ангелом и объявляет, что будет выводить его из депрессии для того, чтобы использовать в дальнейшем в особых целях. В результате, Максим оказывается вовлечен в череду необъяснимых событий, в которых он не только попадает в параллельные реальности, но и становится своими параллельными воплощениями. Несмотря на существенные различия в их судьбах и характерах, всех их мучают похожие вопросы и не дают покоя сходные печали. Все они играют в одну Большую Игру. Каждый имеет собственное мировоззрение, систему ценностей, свой замкнутый круг и собственный способ, при помощи которого он пытается стать счастливым – свою Теорию Большой Игры. У кого это получится лучше, чья Теория окажется правильнее и что, в конце концов, поймет сам Максим, будет ясно лишь в конце этого странного до сюрреализма путешествия. А пока все судьбы героев романа, оказываясь связанными между собой, образуют причудливый сюжет с гармоничными включениями философии, сатиры, антигламура, и даже романтики.

© Шиенков Е. В., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Глава I. Ангел	6
Глава II. Пустыня	15
Глава III. Олигарх	19
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Егор Шиенков

Теория Большой Игры

*1 Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу,
Утратив правый путь во тьме долины.*

*4 Каков он был, о, как произнесу,
Тот дикий лес, дремучий и грозный,
Чей давний ужас в памяти несусу!*

*7 Так горек он, что смерть едва ль не слаще.
Но, благо в нем обретши навсегда,
Скажу про все, что видел в этой чаще.*

*10 Не помню сам, как я вошел туда,
Настолько сон меня опутал ложью,
Когда я сбился с верного следа.*

*61 Пока к долине я свергался темной,
Какой-то муж явился предо мной,
От долгого безмолвья словно томный.*

*64 Его узрев среди пустыни той:
"Спаси, – воззвал я голосом унылым, —
Будь призрак ты, будь человек живой!"*

*133 Яви мне путь, о коем ты поведал,
Дай врат Петровых мне увидеть свет
И тех, кто душу вечной муке предал".*

136 Он двинулся, и я ему вослед.

Данте Алигьери

Глава I. Ангел

Уже много лет Максиму казалось, что ничего вокруг не меняется. Именно казалось, поскольку фактически изменения были налицо. Сначала он поступил в институт, потом его закончил. Пошел на первую работу, потом сменил ее на якобы более лучшую, потом еще раз. Женился, развелся. Причем все это он успел сделать еще до того, как ему исполнилось тридцать. Вот только беда была в том, что все эти события были настолько бледными, что не оставили после себя никакой уверенности, что окружающий мир прошел через какие-то значительные изменения. Да что там уверенности: честно говоря, и слабого намека на это не существовало. Поэтому Максиму казалось, что много лет ничего не меняется.

Он вырос в интеллигентной семье, в которой интеллектуальный труд был в почете. Поэтому, несмотря на техническое образование, а, возможно, и благодаря ему, был склонен к философским рассуждениям на вечные темы. Рассуждая в этом ключе, он частенько пытался

обнаружить причину безрадостного характера своего существования. За долгие годы изучения предмета выводы были сделаны неутешительные.

Дело в том, что все то, что Максим когда-то сделал, и все те результаты, которые он при этом получил, носили какую-то унизительно недоразвитую форму.

Например, институт он закончил хотя и серьезный по отечественным меркам, но весьма заурядный. Соответственно, если такое образование и давало преимущество в карьере, то это была лишь карьера инженера или научного сотрудника. Ни то, ни другое никак не дотягивало до прилагательного «интересное». Даже вооружившись симплификацией голливудских фильмов, на советского инженера не получалось натянуть костюм романтики и приключений. В результате, заперев в шкафу диплом о высшем техническом образовании вместе с сожалениями о потраченном на его получение времени, Максим пошел работать в сферу пусть также не богатую на исключительные события, но хотя бы более денежную. Разумеется, это была торговля. И, разумеется, иностранным оборудованием для нужд отечественных околопроизводственных предприятий.

Поскольку к этой самой торговле у Максима особых талантов тоже не обнаружилось, результатами его деятельности гордиться не приходилось. Вылезал он, в основном, за счет технических знаний, которые имели все-таки некоторую ценность и здесь. Больших денег он не зарабатывал, но на своем поприще утвердился крепко и даже пару раз менял работодателя с небольшой прибавкой в зарплате, хотя и без карьерных продвижений.

В результате, когда пришло время самоутвердиться покупкой личного автотранспорта, заработанных денег хватило лишь на мутанта отечественного машиностроения, носящего гордое, хотя и неоднозначное название «ВАЗ». Слово это вызывало у Максима ассоциативный ряд, который, начинаясь с аббревиатуры ВАЗ, переходил сначала к ночной вазе, затем к горшку... дальше продолжать не хотелось. Существование в России такого средства передвижения наводило на мысль о крупномасштабном саботаже отечественной конструкторской мысли со стороны спецслужб враждебно настроенных иностранных государств. Причем, судя по результату, в период проведения спецоперации враждебно к нам были настроены абсолютно все страны мира. Но на большее рассчитывать не приходилось.

Похожая ситуация установилась и с жилплощадью, которая у Максима была, но представляла собой доставшуюся в наследство от бабушки ячейку в железобетонном муравейнике, разделенную перегородками на кухню, коридор и две смежные комнаты, такие маленькие, что, по большому счету, должны были родиться на свет платяными шкафами. Постоянное присутствие слева, справа, со спины, сверху и снизу от двух до пяти человек, отгороженное лишь тонкими стенами, приводило к ощущению собственной штампованной заурядности. Такими ощущениями могла бы быть богата жизнь двухдолларовой репродукции Джоконды, лежащей в стопке себе подобных, если бы она умела мыслить.

Еще у Максима была достаточно богатая, по его собственным меркам, история отношений с противоположным полом, включающая в себя некоторое количество однообразных школьно-институтских романов, бестолковую женитьбу, нудный развод и полную растерянность касательно причин, из-за которых взаимоотношения полов, и в особенности брак, до сих пор не стали атавизмом.

Что же касается внешних данных, то и тут похвастаться было особенно нечем. За пару десятков лет сознательной жизни Максим так и не определился с оценкой степени своей привлекательности. С одной стороны, он точно не обладал отталкивающей внешностью, поскольку не имел особых изъянов в виде излишней полноты, кривых зубов или, например, длинного носа. К тому же, его ухаживания за девушками, пусть и не так часто, как хотелось бы, но все-таки периодически приводили к положительному результату. С другой стороны, ему думалось, что периодичность эту честнее было бы назвать эпизодичностью. Да и выбор его обычно падал не на самый желанный объект, а на нечто компромиссное. Так что Максим понимал, что

назвать себя привлекательным он может только с большой натяжкой. Но с учетом того, что было принято считать, что, якобы, мужчина интересен окружающему миру в первую очередь некими другими данными, то получалось, что жаловаться в этой области на судьбу у него полного права не было.

Таким образом, наличие всех перечисленных условных благ, с одной стороны, совершенно не радовало, и даже наоборот, а с другой стороны, не давало возможности в полной мере насладиться горечью поражений, полученных в битве жизни. Получается, что он везде как бы победил, но настолько убого, что возникновение чувства торжества победителя просто исключено.

Итак, Максим был не богат, не красив, не умен, не талантлив, не влюблен и не счастлив. Он был нудным середнячком, основной рабочей прослойкой и связующим раствором любого общества со времен первобытного строя. Сознание этого факта убивало жизненный оптимизм мужчины быстрее и целенаправленнее, чем любые самые страшные события в жизни.

Результатом такого положения вещей стала хроническая вялотекущая депрессия. Максим жил с ней очень долго, точный срок он рассчитать не мог, потому как было ли в его жизни что-то отличное от этого состояния он не помнил. А поскольку начало идентификации не подавалось, складывалось ощущение, что состояние это бесконечно, то есть вообще никаких перспектив до самого конца существования не было.

Будучи разумным человеком, Максим пришел к выводу, что такую жизнь объективно стоит заканчивать, дабы, не тратя больше себя на пустое времяпрепровождение, отправиться навстречу чему-то лучшему.

Как любой образованный человек, Максим верил, что существование человека земной жизнью не ограничено, правда, никаких вразумительных представлений на этот счет он не имел. Христианское учение о загробной жизни казалось слишком голливудски примитивным, буддийское – слишком безнадежным (перспектива перерождения в теле собаки или осьминога его совершенно не радовала), а с остальными религиями он был просто не знаком. Таким образом, вся его религиозность сводилась к пренебрежению знакомыми учениями и отвержению незнакомых.

Никаких символических действий вроде увольнения с работы и закрытия всех текущих дел, раздачи долгов и одежды бедным, обзвона всех знакомых с извинениями за все, что угодно, не было. Максиму было разумно плевать, что после него останется и какими словами его будут вспоминать. Он никогда не мог понять мечты будущих покойников о памяти поколений. Им-то какая разница, будут их помнить или нет в их отсутствие, причем, при полной гарантии невозвращения? Впрочем, никаких загулов на занятые у бандитов под огромные проценты денег тоже не было.

Финальную битву жизни Максим собирался закончить сидя на диване, принимая одну за другой таблетки снотворного и запивая их водой из стакана.

Приготовив все необходимое и устроившись поудобнее, он задумался. Несмотря ни на что, последние мгновения жизни, в упрек всем предыдущим, хотелось провести как-то осмысленно или хотя бы символично. Но почему-то, несмотря на утверждения многих авторов популярного чтива, никакая «вся жизнь перед глазами» не «проносила». Максим не вспомнил, как он был маленьким и пошел в школу, образы первых поражений и побед, даже если они и были, так и остались где-то в резервациях памяти. Никаких особенных мыслей или желаний не возникло, все было скучно, как обычно, таким образом, даже последние минуты облегчения не приносили.

Единственное, что можно было отнести к разряду незаурядных явлений, так это появление странного ощущения где-то в самом темном, замусоренном уголке сознания, которое с течением времени неумолимо расплзалось, занимая все больше и больше пространства.

Через несколько минут смутное ощущение переросло в четкое осознание постороннего присутствия, которое незамедлительно подтвердилось шорохом, а затем и деликатным покашливанием.

Повернув голову и найдя взглядом угол комнаты, похожий на тот угол сознания, из которого пришло незнакомое ощущение, Максим обнаружил там элемент окружающей действительности, которого быть там никак не могло.

Данный элемент представлял собой мужчину, сидящего в углу на складном стуле и внимательно смотрящего на Максима. Мужчина был в костюме-тройке, определенно, очень дорогим и настолько же очень помятым. Как удалось так сильно помять такой хороший костюм оставалось загадкой. Белая рубашка была расстегнута до уровня жилета, на шее болтался распушенный галстук. Лицо человека полностью гармонировало с одеждой: волосы были стихийно всклокочены, но выглядели чистыми, на щеках красовалась трехдневная щетина мук творчества. Выражение глаз вместе с их общим видом ставило те самые точки над «i», которые давали четкое объяснение причинам появления подобной наружности. В глазах мужчины отражалось похмелье, причем, не похмелье разгульного студента– первокурсника или малопьющего семьянина, которым факт утренней расплаты кажется чем-то из ряда вон выходящим, сравнимым лишь с чумой и ядерной войной, а доброе знакомое похмелье творческого запоя, которое воспринимается как неотъемлемая часть всего процесса, а с помощью опытного опохмела делается еще и в меру приятным времяпрепровождением. Человек сидел на стуле в неудобной задумчивой позе, смотрел на Максима и молчал.

– Здравствуйте, – сказал Максим, понимая всю нелепость ситуации и необходимость хоть какого-то ее звукового оформления.

– Добрый день. Я не галлюцинация, – сказал человек.

Слегка удивившись прозорливости гостя по поводу своих мыслей, Максим, впрочем, не растерялся. В его состоянии перспектива выглядеть глупо уже не пугала, а именно она обычно является катализатором процесса растерянности.

– К чему это уточнение? – ответил он вопросом.

Гость устало улыбнулся.

– Обычно, когда я это говорю, люди успокаиваются, впрочем, вы можете считать меня плодом только вашего больного воображения, от этого, по большому счету, ничего не изменится. Мне все равно.

– Тогда кто вы на самом деле? – решил уточнить происхождение гостя Максим.

– Сложный вопрос, которому суждено остаться без полного ответа, – сказал гость. – Могу только сказать, что у меня к тебе, некоторым образом, дело есть.

Максима покорила такой быстрый и бесцеремонный переход на «ты», но заострять на этом внимание не хотелось, вместо этого он решил тоже перейти в отношение гостя на ты, причем так же бесцеремонно.

– А ты, вообще, кто? – спросил Максим.

В данной ситуации вопрос выглядел более чем уместно. Если уж в вашу запертую изнутри квартиру попадает незнакомый человек, было бы недурно для начала его хоть как-то определить. С самого первого момента мозг Максима как раз предавался честным попыткам классифицировать персонажа. Больше всего мужчина походил на агента 007 в молодости, причем, родившегося в России и получившего там, как минимум, два высших образования. К тому же, знаменитый англичанин, судя по виду, пил вчера очень много не очень хорошей русской водки. Но так как версия эта была явно утопической, она самоустранилась, оставляя после себя мысли более близкие к действительности: про бандитов, намеревающихся требовать завещать им квартиру, меркантильных медицинских работников, жаждущих свежих органов для пересадки, и служителей неизвестного культа, которым нужно от него неизвестно что.

Гость уселся поудобнее, видимо, готовясь к продолжительному монологу.

– Скажем так: как ты, наверное, догадываешься, в мире существуют определенные законы, по которым работает вся вселенная на всех уровнях материи, в том числе и окружающая тебя якобы объективная действительность, – мужчина сделал паузу, в течение которой внимательно изучал реакцию собеседника, как бы пытаясь определить приемлемость формы и стиля передачи информации. – Я понятно выражаюсь? – осведомился он.

– Вполне, – заверил его Максим.

Посмотрев еще несколько секунд в область бровей собеседника, мужчина, казалось, остался доволен результатом и продолжил:

– Так вот. Откуда эти законы взялись и почему они существуют именно в том виде, в котором существуют, объяснять тебе бесполезно по той простой причине, что объяснить это живому человеку в обычном состоянии сознания просто невозможно. Там, где есть законы и принципы, появляются нарушители и первого, и второго. Но особенность в том, что, в отличие от придуманных законов, законы настоящие нигде не записаны и изучить их официальное издание нельзя. В связи с этим иногда возникают недопонимания со стороны субъектов этого мира, и моя задача эти недопонимания свести к безопасному минимуму.

Несмотря на то, что перед Максимом явно разыгрывался какой-то номер из репертуара театра абсурда, он не имел вменяемого объяснения происходящему и поэтому решил держаться нейтрально и в меру подыгрывать собеседнику. В этом случае, если окажется, что все это розыгрыш, он не будет выглядеть впоследствии слишком глупо. Ну, а если окажется, что все серьезно, обвинение в неверии ему тоже не грозит.

– Так что получается: я – нарушитель мирового правопорядка? – уточнил Максим.

– Не лести себе. И не перебивай, я не закончил. Так вот: на таких, как я, наложены широкие разъяснительные функции. Применительно к тебе, это выглядит примерно так: ты – человек, который собрался прервать свое физическое существование без четких на то причин и не осознавая всю значимость своего поступка. Мой долг все тебе разъяснить.

– И попытаться остановить! – закончил чужую мысль Максим.

Гость пренебрежительно хмыкнул.

– Что вы за существа такие? Откуда эта мания величия? Сейчас, все брошу, и останавливать тебя начну. Ты не понял: я не из службы психологической помощи. Моя задача только разъяснять и объяснять в меру твоих способностей. И еще кое что, но об этом позже. Так что, плакаться в жилетку ты будешь в другом месте. Кстати, можешь называть меня «ангел». Это наиболее близкий стереотип из устоявшихся в умах народных масс, и если ты будешь внутренне воспринимать меня таким образом, тебе будет легче настроиться на верную манеру общения. Вопросы?

– Ты откуда взялся?

– Да, ты глупее, чем я думал. А ты откуда?

– Я-то понятно, я человек, я у мамы родился.

– Ну, это ты потом у мамы родился, а взялся ты совершенно из другого места, которое, между прочим, местом-то можно назвать только с огромной натяжкой. Я такой же интеллектуальный протуберанец на полотне вечности, как и ты, только я возник по четко определенной необходимости, а ты, по большому счету, случайно.

Максим давно подозревал, что когда люди не могут нормально объяснить сути явления, они прибегают к художественным метафорам, которые, неся якобы сокровенный смысл, на самом деле ничего не означают, представляя собой набор высокопарных слов, сложенных в бессмысленную фразу. Хотя, с другой стороны, по поводу отнесения собеседника к людям Максим уже начинал всерьез сомневаться.

– Ну, хорошо, ангел-протуберанец, я весь внимание.

Ангел поднялся, при этом стула на том месте, где он только что сидел, уже не оказалось. Куда он делся, оставалось загадкой, которая, впрочем, в сложившейся ситуации недолго зани-

мала внимание Максима. Гость начал расхаживать по комнате, заложив руки за спину и смотря в пол прямо перед собой. При каждом шаге он кивал головой в такт ходьбе, тем самым приобретая сходство со школьным учителем, презирающим всех до одного присутствующих в классе учеников, их родителей, школу, все государство, и даже преподаваемый предмет. Голос его был настолько скучающим, что не оставалось никаких сомнений в том, что данную речь он произносит не первую сотню раз:

– Итак, приступим. Как я уже говорил, моя задача – объяснить тебе сложившуюся ситуацию. Причем, особенность нашего разговора такова, что я не могу открыть тебе причины, по которым все происходит так, как происходит. Как я упоминал, для всего существующего и происходящего есть некие законы, ну, а причины, по которым они есть, знать тебе не положено. Но для того, чтобы придать осмысленность, с твоей точки зрения, моим объяснениям, я буду, во-первых, пользоваться примитивным приемом убеждения, который весьма популярен среди людей – вы называете его «логика» – и, во-вторых, доносить информацию через твой собственный опыт. Действовать будем следующим образом: ты объясняешь мне, в чем у тебя дело, а я – в чем дело на самом деле. Я задаю вопрос – ты отвечаешь, после этого я объясняю и показываю, что ты должен был ответить на самом деле. Договорились?

– Ну, допустим.

– Тогда распишись здесь, – в руке у Ангела появилась делового вида кожаная папка. Жестом успешного бизнесмена, подписывающего очередной миллионный контракт, из нее был извлечен лист белоснежно-белой бумаги с какой-то надписью мелким шрифтом посередине.

За то время, которое понадобилось на преодоление документом пути из рук Ангела в руки Максима, у последнего четко сформировалась жгучая мысль, которая зажглась неоновой вывеской на экране сознания, сублимирующей основной ее смысл. Вывеска гласила: «развод».

Максим сразу понял, что имеется в виду отнюдь не тот «развод», которому предшествует не менее многосмысловое слово «брак», а тот самый «развод», который всегда идет в творческом сотрудничестве с понятием «лох». И судя по всему, это понятие в данный момент собирались применить к самому Максиму.

– У-у-у-у, – прогудел он, пренебрежительно скривившись, – начинается... И чего это я должен подписывать?

– Не подписывать, а расписаться, – пояснил Ангел. – Это нужно в первую и последнюю очередь тебе. Проставление твоей никому в мире не нужной закорючки будет являться символом того, что ты сознательно участвуешь во всем происходящем. Символом опять для тебя. Восприми это как самодисциплинирующий ритуал. Наверняка ты помнишь какого-нибудь литературного героя, который, заключая сделку с дьяволом, расписывается кровью. Ну так вот, нечто подобное действительно периодически имеет место быть в истории человечества. Глупо думать, что дьяволу нужны какие-то там письменные формы, тем более заполненные при помощи биологических жидкостей. Этот ритуал разыгрывается исключительно для подписанта, чтобы тот был уверен, что все серьезно.

– Дьявол, говоришь, – напрягся Максим. – А у нас тут, случайно, не такой случай? Ты, когда Ангелом назвался, не врал?

– Все относительно, – ответил Ангел, – но если упростить относительность до уровня определенности, то нет, я совершенно не Дьявол, а на сто процентов противоположная сторона. Максим осторожно взял лист бумаги и прочитал написанное.

Текст гласил: «Я все понял»

– Да, содержательно, а почему «все» зачеркнуто? – спросил он.

– Слово «все» зачеркнуто по той причине, что все понять ты не в состоянии. Но если бы было просто написано «я понял», то это тоже не передавало бы задуманного в полном объеме, поскольку «я понял» подразумевает, все-таки, что понял ты именно все. Если бы было

написано «я не все понял», то это бы несло совершенно противоположный по отношению к выражаемому смысл. Еще вопросы по тексту есть?

– Нет, – ответил Максим, опасаясь еще больше запутаться в объяснениях собеседника.

– Итак, давай начнем, – продолжил тот.

Ангел сел на большое, солидного вида кресло, которое, судя по всему, появилось оттуда же, куда исчез стул, на котором он сидел в начале беседы.

– Что тебя не устраивает?

– В каком смысле?

– Ну, если ты решил, что жить больше не стоит, видимо, тебя что-то радикально в этой жизни не устраивает. Вот я и хотел бы услышать, что именно.

– Ах, в этом смысле. Ну, тут я думать долго не буду, отвечу сразу: все!

– Ну, если так, давай по порядку и на примерах.

Максим продолжительное время вздохнул, откинулся на спинку дивана и начал свой жизнеразвнчивающий рассказ:

– Видишь ли, в чем дело: когда я был ребенком, у меня всегда была определенная цель в жизни. Пускай временная, иногда она жила не дольше часа, но была. Всегда совершенно определенная и даже с некоторыми планами, как ее достичь. И, что характерно, никогда не было сомнений, что для достижения вот этой вот конкретной, каждый раз новой, цели не хватит сил, способностей, времени или таланта. Стоило только решить, что тебе хочется – и все, инструменты для достижения задуманного, как бы, уже прилагались. Как маленькие шестигранные ключики в коробке с мебелью из Икеа. И то, что очередной смысл жизни, цель всего существования, выбранный неделю или год назад, блек и таял под наплывом новой, не менее грандиозной идеи, совершенно не волновало. Статистика отошедших в мир иной смыслов жизни не велась. Каждый новый был самый настоящий, и никаких сомнений, что он на всю жизнь, не было.

Эмоциональная и духовная жизнь ребенка невероятно богата и насыщена, он постоянно решает кем-то стать, что-то сделать лучше всех, быть чемпионом или кем-то, кого он видел по телевизору. И он не просто собирается поступить так в отдаленном светлом будущем – он сразу начинает идти к этой цели.

Пускай очень немногие находят свой путь с детства и идут по нему всю оставшуюся жизнь. Это неплохо. Это даже наоборот, хорошо, что цели меняются. Дети идут по огромному количеству чужих путей, питаются эмоциями незнакомых судеб, какое-то время они живут космонавтами, пожарниками, полицейскими, учеными, спортсменами и многими-многими другими. Перескакивая от одной выбранной судьбы к другой и примеряя на себя чужие жизни, они ищут ту самую, в которой захотят остаться, и такую жизнь называют призванием.

Но, как я уже говорил, призвание находят очень немногие (если вообще кто-нибудь находит), а уж тем более в детстве.

Тем не менее, в юности продолжается это уверенное шествие с периодической сменой пункта назначения. Вот только выбор этого пункта совершается более обоснованно и приземленно, а смена пути не так часта. Уже тогда в душу закрадываются сомнения. А точно ли сегодняшний смысл жизни такой уж значительный и окончательный? Но сомнения прочь – и вперед, к светлому, абсолютно счастливому будущему.

Увы, когда наступает зрелость, объективно существующее положение вещей не замечать становится невозможно: многие годы метаний ни к чему не привели – ни настоящей цели, ни смысла найдено не было. Из десятков и сотен целей жизни, которые были рождены за прожитые годы, ни одна не выжила.

– За плечами простирается кладбище смыслов жизни, оглядываясь на него, чувствуешь разочарование, – подытожил Максим.

– Да, – вздохнул в ответ на услышанную речь Ангел, – техническое образование наложило на тебя тяжелый отпечаток. Хотя, у таких, как ты, любое образование переносится тяжело и с необратимыми последствиями. Значит, ты до сих пор смысл жизни ищешь?

– Ну да, а как же без него? – удивился Максим.

– И при этом смысл тебе нужен некий абсолютный. Чтобы любой встречный безапелляционно признавал его величие и правильность?

– Ну, можно сказать и так.

– Тогда я тебе сэкономлю уйму времени, сказав, что такого смысла нет вообще.

– Это как так, для чего же тогда жить?

– Ну, уж точно не для того, чтобы абсолютный смысл реализовывать. Если бы у каждого смертного был четкий смысл в жизни, то его бы выдавали при рождении в письменном виде, с подробными инструкциями, как его достичь, и соответствующими полномочиями. Поверь мне, само словосочетание «смысл жизни» – это тавтология. Пока ты живешь, забудь про слово «смысл». Его нет ни в одном вашем действии или поступке. И быть не может.

Ну, вот подумай: как могут иметь значение ваши поступки в течение жизни, если все вы умираете? То есть, они определенно имеют некоторое влияние на некоторые вещи, но не значение, и уж точно не смысл. Так что, выкинь из головы эту дурь сразу.

Жизнь устроена таким образом, что достойное оправдание в глобальном смысле нельзя найти ни одному занятию. Даже самые, на первый взгляд, благородные роли на поверку оказываются таким же бестолковым времяпрепровождением, как и все остальное. Это только в грузинском фольклоре, стоит посадить дерево, вырастить сына и построить дом – и, считай, жизнь не прошла зря. На самом деле, дерево рано или поздно сгниет, дом развалится, а сын вырастет придурком. И даже если ты посадишь баобаб, который сто лет будет расти, в твоём доме устроят музей-квартиру, а сын станет вторым Эйнштейном, ничего от этого, по большому счету, не изменится. Вселенная тебе спасибо не скажет, и ей все равно, нарисуешь ты картину или выстрогаешь табуретку, лишь бы не вешался, да, впрочем, и это не важно.

– Ну, допустим, ты прав, а зачем тогда жить?

– Знаешь, есть такое слово «надо», извини за банальность, – повысил голос Ангел. – Если тебя уж заслали на Землю пожить, то, наверное, не просто так! А о причинах тебе знать не положено. Придется тут некоторое время побыть. Никуда не денешься!

Но только не надо делать из моих слов выводы о том, что то, что вы здесь делаете, кому-то кроме вас вообще нужно. Жизнь твоя и то, что в ней происходит, происходит только для тебя одного. Так что, не надо искать ни в чем великий смысл и предназначение, ваша задача – прожить жизнь, и сделать это, по возможности, наиболее комфортно.

Максим обратил внимание на странные метания Ангела из единственного числа в множественное и обратно, когда речь шла о людях, но решил на этом не акцентироваться.

– Ну, так может мне просидеть всю жизнь перед телевизором? Будет как раз очень комфортно, – вместо этого предложил он.

– Врешь. Если мог бы, то давно бы уже сидел, и мы бы сейчас с тобой не разговаривали. Это только так кажется, что дай человеку много денег и здоровья – и больше ему ничего не надо. Купит он себе все, что хочет, и будет балдеть до конца жизни. А вот ничего подобного, не усидит он на месте, разведет бурную деятельность или впадет в депрессию с летальным исходом. Так что, единственный твой выход – найти занятие, одно или несколько, которое будет твоим личным суррогатным смыслом жизни.

На этот раз Максим не нашел в себе желания возражать. Объяснения казались такими логичными, простыми, циничными и, главное, авторитетными. Было в собеседнике нечто такое, что заставляло почувствовать, что он определенно знает, о чем говорит. А не врет он потому, что нет такой причины, которая заставила бы его говорить неправду. Для того, чтобы обманывать, ведь должен быть повод, а его здесь Максим для Ангела придумать не мог.

Однако, покопавшись в себе еще с полминуты, он не нашел удовлетворения, которое обычно растекается по организму после того, как кто-то умный развеял твои сомнения, мучившие долгое время, или объяснил непонятные явления.

– Допустим, все так, – согласился он. – Но для меня это ничего не решает. Для того, чтобы жить, как ты говоришь, комфортно, недостаточно просто высосать из пальца пару захудалых смыслов жизни. Нужно иметь возможности и способности хоть что-то с этими смыслами сделать. Дело не совсем в том, что я не могу придумать, чем себя занять. Дело больше в том, что какое бы интересное себе занятие я не придумал, я не смогу сделать его так, чтобы хотя бы сам остался доволен результатом. Не говоря уже о всеобщем признании.

Допустим, захочу я стать знаменитым боксером или баскетболистом. И что? Во мне роста метр семьдесят с копейками, меня с детства сверстники за слабака держали. Или вот, хочу я стать олигархом, без нужных родственников, без талантов, без нормального образования. Да я помру по пути из своей конуры к финансовым вершинам! А уж о карьере писателя или музыканта я и рассуждать не буду. Что посоветуешь? Прожить до пенсии простым советским инженером, жениться, завести детей, чтобы они так же мучились? Знаешь, не встает у меня на такой «смысл жизни», уж извини! – Максим в процессе своего монолога перешел в то истеричное состояние, когда обличительные речи не только получаются с легкостью, но и доставляют удовольствие.

– Ух, ты как раздухарился! – усмехнулся Ангел. – Говоришь, талантов нет. Вон, каков оратор! Значит, ты считаешь, что все дело в отсутствии, как ты сказал, «способностей и возможностей»? Родился бы ты с ярко выраженным талантом или с папой-олигархом, тогда бы – ух? Нашел бы применение тому, что досталось?

– Да, нашел бы. И уверен, что именно – ух!

– Понятно, – сделал заключение Ангел. – Значит, ты уверен, что дело не в тебе. Что кто-то другой тебя несправедливо обделил, забыл, недодал, была очередь, а ты по природной скромности не стал толкаться. В этом все дело?

Понимая, что зашел в своих оправдания так далеко, что задний ход давать поздно, Максим, стараясь придать голосу уверенность и даже небольшой оттенок вызова, ответил: – Да!

– Ну, вроде все, с предисловием закончили, – Ангел демонстративно посмотрел на большие карманные часы, извлеченные из внутренностей пиджака, и удовлетворенно кивнул.

В тот же момент раздался хлопок, и комната исчезла.

Глава II. Пустыня

На несколько секунд Максим лишился понимания своего места в пространстве. По ощущениям было похоже, что он потерял сознание, а затем пришел в себя. Сконцентрировавшись, он вернул себе возможность воспринимать окружающую действительность, и оглянулся. Во все стороны до горизонта тянулась земная поверхность светло-оранжевого цвета, накрытая голубым, без единого облачка небом. Даже после всего, что случилось за последний час, это было настолько удивительно и неожиданно, что в первый момент от потрясения у Максима началась паника. Голова закружилась, легким стало не хватать воздуха, он начал задыхаться. То, что это называется именно «паника», он знал из прочитанной когда-то статьи в глянцевого журнала. Это было одно из тех изданий, в котором редактор пытается собрать литературные выхлопы оравы журналистов, с одной стороны, соответствующие хотя бы отдаленно названию журнала, и с другой, вызывающие у потребителя желание покупать его из месяца в месяц. Поскольку первое и второе совместить достаточно сложно, смысловая нагрузка названия для глянцевых журналов обычно максимально широкая или максимально нейтральная, частенько названием служит просто мужское или женское имя, под эгидой которого можно опубликовать любую читабельную муть для мужчин или женщин.

Откуда-то сзади подошел Ангел и протянул ему бумажный пакет.

– На, подыши в него, поможет, – предложил он.

Максим в этот момент как раз вспомнил, что именно такой способ борьбы с синдромом паники был описан в том журнале, и, схватив пакет, нахлобучил его на лицо как респиратор. После некоторого времени дыхания собственноразработанным углекислым газом, мысли перестали бегать в голове как футбольные болельщики, вырвавшиеся в пьяном угаре на стадион в разгар матча, и встали в более или менее аккуратную очередь в ожидании обработки. Первая по очереди мысль гласила: «Все пропало, это полный...». Максим отмел ее как нефункциональную. Вторая оказалась более презентабельной и родила вопрос.

– Где я? – спросил Максим, повинувшись второй мысли.

– Какой ты эгоист, – ответил ангел. – «Где я?» Где мы! Между прочим, именно я нас сюда направил, в некотором смысле.

– И зачем?

– А затем, что надо. Или ты думал, что вся моя задача сводится к душещипательной беседе? Ну, нет! Она была проведена только для того, чтобы подготовить интеллектуальную почву, что-то вроде инструктажа перед прыжком с парашютом. А самое главное будем изучать на примерах. Кстати, это не моя прихоть, и уж тем более – не инициатива. Просто человек устроен таким образом, что, примитивно говоря, пока сам не попробует, причем не один раз, полностью не поверит. Именно на этом держится вся ваша недалекая наука. Людям почему-то непременно нужно самим все потрогать, а если этого потрогать нельзя, то они предпочитают отрицать его существование.

В таких условиях любое эзотерическое учение становится шарлатанством. Именно поэтому, кроме примитивных механизмов, вы так и не научились ничего создавать. Я имею в виду – чего-то стоящего. По крайней мере, в рамках официальной деятельности. Впрочем, это отдельная тема, и не будем сейчас на ней останавливаться.

Максиму после монолога Ангела как-то стало немного легче. И дело было даже не в том, что тот говорил, успокаивала сама будничная манера собеседника. «Если он так спокоен, значит, ничего опасного не происходит», – подумалось ему. С другой стороны, если он действительно тот, кем себя называет, а все последние события свидетельствовали именно об этом, что его вообще может вывести из себя?

Хотя, возможно, что весь успокаивающий эффект, или его часть, следовало списать на процедуру дыхания.

– Ну, и какой пример мы можем рассмотреть в этой пустыне? – оторвавшись от пакета, спросил Максим.

– Здесь – никакой, – ответил Ангел. – То, что ты видишь вокруг, – промежуточное пространство между мирами, что-то вроде коридора между комнатами. Для того, чтобы попасть из одной комнаты в другую, нужно сначала выйти из первой комнаты в коридор. Так устроено, что комнаты между собой непосредственно не связаны.

– Почему? – спросил Максим, чтобы потянуть время и дать себе адаптироваться в новой обстановке.

– Ну, скажем так, из соображений безопасности. Попробую объяснить. У тебя ведь техническое образование, ты достаточно подробно знаком с теорией вероятностей Эйнштейна?

– Ну, вообще-то не очень.

– Хорошо, тогда расскажу в общих чертах. Иногда, из-за самопроизвольных искривлений пространства-времени, которые бывают достаточно редко и весьма кратковременны, совершенно случайно человек может вывалиться из своего мира.

В этом случае он попадает сюда, на нейтральную территорию. Вероятность того, что он потом таким же случайным способом провалится в другой мир, ничтожна мала, хотя и такие случаи были. А вот если бы один мир граничил с другим, то, например, на Земле периодически появлялись бы люди или еще какие-нибудь существа из других миров без малейшего представления о механизме и причине своего появления. Представляешь, сколько бы шуму наделал, например, какой-нибудь солдат имперских войск из мира, где идут космические войны? А так он будет бегать во всем своем вооружении по местному не сильно разнообразному ландшафту до тех пор, пока его не определят, куда следует.

– А что значит – определяют куда следует? Это куда? И кто определяет? – поинтересовался Максим. – А космические войны реально где-то идут? А посмотреть можно?

– Тут могу ответить только одно, и сразу на все вышеозвученные вопросы: это в твою, так сказать, программу обучения не входит.

После полученной информации Максим продолжил осмотр местности уже более осмысленно. Теперь он начал понимать, что первое впечатление о земном происхождении поверхности, на которой он находился, определенно ошибочно. Действительно, на первый взгляд окружающий пейзаж напоминал пустыню, однако при ближайшем рассмотрении оказалось, что от пустыни здесь только цвет земли и неба, и то в каком-то утрированном виде. Краски были уж слишком ярких тонов, какие-то мультипликационные. С другой стороны, Максим никогда не был в настоящей пустыне, и компетентно подтвердить или опровергнуть идентичность цветовой гаммы для него не представлялось возможным. Главными же отличиями от нормальной человеческой пустыни, которые мог заметить даже человек, составившей свое мнение о ней по кинофильму «Белое солнце пустыни», было то, что здесь было не жарко, при том, что ни малейшего ветра не чувствовалось. К тому же, ландшафт был абсолютно ровный, настолько, что возможность, что он принадлежит круглой планете, вызвала большие сомнения. Поверхность, на которой стоял Максим, была гладкой, твердой и без какого-либо песка или даже пыли. Фактически, это было желтое неотражающее зеркало.

Он представил, как сюда, неожиданно для самого себя, вываливается космический боевик, упомянутый Ангелом. Пейзаж был настолько нейтральным и умиротворяющим, что психологический дискомфорт у случайного гостя мог вызвать, пожалуй, только неожиданный способ транспортировки. Хотя, кто знает людей космической эпохи: может, все они психопаты, которые чуть что – делают себе хакакири лазерной вилкой.

Затем Максим вспомнил свое первое впечатление, когда оказался здесь: пожалуй что, не будь у него провожатого, он бы ударился в более продолжительную панику, бегал бы по бесконечной желтой поверхности и вопил что было мочи.

– И часто сюда попадают с провожатыми вроде тебя? – поинтересовался он.

– Часто, редко – понятия относительные и связанные в первую очередь со временем в качестве шкалы отсчета. У меня с ним отношения другие, нежели у тебя. Но, можно сказать, что довольно-таки часто, с начала времен я уж и со счета сбился.

– И что за причины, по которым тот или иной человек удостоивается такой чести? Я ведь так и не понял, почему ты именно ко мне пришел.

– Причины, по которым человек получает от меня эту помощь, очень разные. Но всех этих людей объединяет одна общая черта: они не идут по естественному для них пути, или идут неправильно.

– По естественному пути? Естественному с чьей точки зрения? Судьбы, Бога, еще каких-нибудь космических сил? – слегка раздраженно спросил Максим.

– Ну... с точки зрения организаторов мероприятия... называй их как хочешь, хоть дьяволом, они не обидятся. Так вот, каждому человеку предназначена своя программа пребывания на Земле, и если он из нее выбивается – это плохо!

Максим подумал о том, что за недолгое общение с Ангелом он настолько привык к открывающимся ему откровениям, что уже свободно и буднично начал оперировать такими понятиями как «судьба», «мироздание», «смысл бытия». Теперь вот такое всеобъемлющее и таинственное понятие как «бог» трансформировалось в понятное слово «организаторы». Это его удивило, но ничуть не смутило.

– Ну, а как же человек может отклониться от программы, назначенной таким высоким органом? Или Бог тоже ошибается, а ты, типа, назначен его косяки исправлять? – заулыбался Максим. «Погорячился, наверное», – тут же мелькнула у него мысль, – «зря я так про... Бога».

– Он никогда не ошибается! Хотя бы потому, что нельзя сделать неправильно то, что делается в первый и единственный раз. Как можно сказать, что при создании, например, человека допущена ошибка, если есть только один единственный вариант от одного единственного создателя? В соответствии с человеческой логикой, чтобы определить неверность того или иного явления, нужно сравнить его с верным эталоном, и на основе имеющихся отличий сделать соответствующие выводы. Не говоря уже про то, что само понятие ошибки, и логику, и человека, который всем этим мусором пользуется, создал тоже Он.

– Ладно, ладно, виноват, был не прав, – замахал руками Максим. – Но все равно я не понимаю, как может человек пойти не по уготованному ему пути, как такое может получиться, если судьба, как я понял, заранее прописана?

– Судьба заранее не прописана, это противоречило бы самому смыслу жизни! Понятие «смысл жизни» я употребляю, конечно, не в том качестве, в котором понимают его люди – как я тебе уже говорил, такого «смысла жизни» не существует, – пояснил Ангел. – Я имею в виду смысл самого создания жизни для человека. Жизнь человека по одной-единственной, заранее прописанной, судьбе, без малейшей возможности отступления, не имеет смысла. Зачем запускать процесс, протекание которого известно до мелочей, а, следовательно, результат очевиден?

Нет, фатализм – искусственная идея, не имеющая с настоящим положением дел ничего общего. Его придумали люди, чтобы оправдать свою беспомощность.

Заранее прописанного жизненного пути для каждого человека нет, но существует некая общая канва, как говорят ваши коммунисты – генеральная линия партии. В соответствии с ней человеку даны некоторые начальные условия, в которые, ко всему прочему, входят его таланты, везение, место рождения, положение родителей в социуме и так далее, и тому подобное. Это, можно сказать, арсенал игрока.

Кроме этого, прилагаются правила игры – это весь тот мир, который вы воспринимаете как объективный, и все его законы, например, законы термодинамики, всемирного тяготения и все такое прочее.

Но и этого недостаточно. Поскольку людей запускают по жизни не просто так, а с той целью, чтобы они освоили некоторый жизненный маршрут, то это пребывание на самотек пускать никак нельзя. Это было бы все равно, что пустить воду для орошения земли в канал без определенного уклона и стенами из песочной насыпи – вода размоет стены и потечет во все стороны без какого-либо толку. Вот поэтому кроме начальных условий и правил игры генеральную канву жизни направляет некая закономерная сила.

Эта сила ничего не навязывает, никого не заставляет, она просто немного помогает, иногда подталкивает на тот путь, который приготовлен человеку. Будущему музыканту она подсунет объявление о наборе в музыкальную школу, будущему политику – бандита-спонсора выборов, будущему убийце – командировку на войну в горячую точку.

Но такой жизненный путь не один, их всегда несколько, человеку никогда не навязывают одну единственную линию поведения. Каждый должен выбрать один из своих путей, а вот по какому из них и как он пойдет – вот в этом все и дело.

На востоке есть такое понятие «Дао» – это путь, который должен найти для себя человек. Как раз его имел в виду Конфуций, когда сказал: «Если утром познаешь правильный путь, вечером можно умереть.» Насчет умереть – это он, конечно, погорячился, потому как, если найдешь свой путь, первое, что надо делать – пуститься по нему вприпрыжку и никуда больше не сворачивать. – Ангел замолчал и вопросительно посмотрел на Максима. Его взгляд выражал буддийскую мудрость и спокойствие.

Максим, немного ошалевший от потока высоких откровений со ссылкой на земные духовные авторитеты, пытался утрамбовать в сознании весь объем полученной информации с минимальными потерями.

– Погоди, – после задумчивой паузы произнес он, – но ты же говорил, что у жизни нет смысла, а теперь десять минут распинался на тему, в чем он состоит.

– У жизни есть и смысл, и цель, но ни того, ни другого нет в ней. В этом и состоит главная ошибка людей. Они ищут смысл внутри жизни, а он вне ее.

– А... ну так, в общих чертах, в принципе, как бы ясно, – промямлил Максим, хотя ничего ясного, даже в общих чертах, для него в этот момент не было.

– Ну, тогда вперед, – бодро провозгласил Ангел.

После этих слов Максим услышал хлопок, похожий на выстрел из духового детского ружья...

Глава III. Олигарх

Максим Холодковский стоял напротив панорамного окна своего кабинета. Двойное пуленепробиваемое стекло сдерживало серую муть осеннего утра в пятидесяти сантиметрах от его лица. Он вытянул руку вперед и, оперевшись на ладонь, перевел взгляд на мокнувший под ногами город. С высоты тридцать третьего этажа не только пешеходы, но и автомобили казались мелкими насекомыми, стекающимися нестройными рядами к подножию офисной башни. Картина вызывала ассоциации с большим муравейником, к которому спешат его обитатели, и каждый из них что-то тащит, чтобы муравейник становился все больше и больше. Спешащие к началу работы люди также несли отдать что-то своей организации: свой талант, или хотя бы просто способности, силы, время, здоровье. Задача же офиса – переработать все это в деньги, большинство которых пойдет на дальнейший рост муравейника и непосредственно его владельцу.

Да, не зря писал какой-то модный писатель: «Весь мир держится на подобию», – подумал Максим. И чего они сюда прутся каждое утро – ведь их работа скучна до истерики? Или они настолько ограничены, что испытывают щенячий восторг от переключивания бумажек, свидетельствующих о чужих денежных потоках? Неужели все эти люди не смогли найти себе в жизни более интересное занятие, которое при этом приносило бы необходимый для пропитания доход? Откуда эта моральная импотенция, эта холопская психология?

А может, это духовное смирение русской интеллигенции? Может, у этих людей богатый внутренний мир, позволяющий относиться к окружающему с буддийским спокойствием?

Эта мысль развлекла Холодковского, он отошел от окна и стал ходить по кабинету от стены к стене. Размер кабинета, даже при таком маршруте передвижения, позволял своему владельцу тратить на прямолинейное перемещение достаточно продолжительное время для того, чтобы иметь ощущение прогулки. Мысль о высокой духовности сотрудников, подстегнутая забавной софистикой своего происхождения, стала постепенно оттеснять утреннее уныние, вызванное безрадостным видом из окна.

Полторы тысячи смиренных философов, аскетов духа и художников субъективной реальности. Красиво! Все, что им нужно, они черпают из внутренних источников души. Для них не стоит шекспировский вопрос:

*«Достойно ль смиряться под ударами судьбы,
Иль надо оказать сопротивление
И в смертной схватке с целым морем бед
Покончить с ними?»*

Они точно знают, что «достойно», и черпают успокоение в своей мудрости, воспитанной в них родителями, в которых, в свою очередь, подобную мудрость воспитал зомбирующий советский строй. И теперь эти люди отдают ненужные им силы для работы на того, кто по духовному развитию гораздо ниже их, вследствие чего не избавлен от притязаний на власть и богатство. Так что, получается, что лозунг «кто был никем, тот станет всем» продолжает работать и по сей день, только теперь наоборот.

Размышляя таким образом, Максим свернул со своего прогулочного маршрута и уселся за стол размером с кабинет среднего клерка. Нажав на кнопку селектора, он попросил секретаршу принести кофе.

Не прошло и пяти минут, как в кабинет, предварив свое появление формальным стуком, вплыла секретарша.

Сегодня у Холодковского было особое состояние души, побуждающее к анализу всего окружающего. Подобные настроения свойственны очень богатым людям в период полного благополучия. В это время все насущные проблемы покидают человека или отходят на второй, очень далекий план. После потери таких естественных раздражителей сознанию остается два пути. Первый свойственен людям весьма недалеким, которые до сих пор встречаются в обилии в среде состоятельных российских граждан, связан он с гламурным алкогольно-наркотическим образом жизни, при котором человек растворяется в примитивных физических и эстетических удовольствиях. Именно из-за большого количества этого типа богатых людей у обычного обывателя, живущего в Москве и имеющего дома телевизор, складывается ощущение, что основная цель россиян – это алкоголь, наркотики, низкопробные развлечения и беспорядочный секс.

Но есть и второй тип таких людей, который при избавлении от насущных проблем начинает тяготиться к более тонким материям, и, как следствие, к более сложным интеллектуальным удовольствиям. Предвестником зарождения в душе таких процессов как раз и служит настроение, побуждающее к анализу окружающего. Внешними проявлениями такого состояния является философская задумчивость и усиленная восприимчивость к незначительным внешним явлениям, таким, например, как существование секретарши.

Поскольку Холодковский был яростным противником служебных романов, тем более – с представителями низшего офисного звена, коими являются в отечественном бизнесе секретарши, о вошедшей девушке он знал ничтожно мало.

Пока секретарша расставляла на столе чашку с кофе и сахарницу, Максим мысленно собрал в аккуратную кучку все сведения, которыми он обладал о вошедшем человеке. Звали девушку Юля, она была молода, некоторым образом привлекательна (для настоящей сексуальности ей не хватало харизмы), знала два языка. Вот, в общем-то, и все, что ему было известно о персоне, которая работала бок о бок с ним уже почти два года.

Холодковский задумался о сложившейся ситуации, почему так происходит? Он присмотрелся к миловидному личику. Максим воспринимал как аксиому утверждение, что внутренний мир человека непременно отражается на его лице: в выражении, в общей конституции, во взгляде. Однако, если руководствоваться таким положением, то можно было сделать очевидный вывод, что у Юли внутреннего мира не было вообще. Ее лицо ничего не выражало, впрочем, как и речь, которую она в состоянии была произнести, да и все поступки, из тех, о которых было известно Максиму.

Нельзя было сказать, что девушка была глупа, скорее, нельзя было сказать, что она БЫЛА. Ее внутренний мир представлялся Холодковскому в виде голой, абсолютно ровной степи, по которой ветер гоняет редкие перекасти-поле односложных мыслей.

Тем временем Юля, завершив свою миссию, вышла из кабинета, придурковато улыбаясь в пространство.

«Она не глупая», – подумал Холодковский, – «она полная дура! Причем, самое печальное то, что она об этом даже не подозревает. Зато ей обидно, когда ее называют секретаршей, она хочет именоваться «офис-менеджером».

Максим сделал глоток отличного кофе и подумал, что пора перенаправить все-таки свои мысли на работу. Тем более что сегодня предстоит немало сделать.

Однако, несмотря на полученную порцию кофеина, мысленный процесс никак не сворачивал в рабочую колею и продолжал крутиться вокруг несчастной девушки.

И тут Максим сделал для себя очередное мировоззренческое открытие. Нет никаких офисных работников с богатым внутренним миром, которых он придумал перед тем, как выпить кофе. Вокруг него работают только такие вот «юли», называются они по-разному, но по сути своей идентичны. Это одноклеточные роботы, которым не скучно по восемь часов в день заниматься однообразной ерундой, потому что это как раз та ерунда, которая прекрасно

вписывается в их интеллектуальную степь, подобную той, которую Холодковский разглядел в секретарше.

Ну что ж, тогда никаких проблем быть не должно, все они получают то, что заслуживают.

С другой стороны, должны же быть и другие люди на свете, непохожие на этих офисных орков. А если они есть, то, может, и вокруг него парочка найдется. «Надо их непременно поискать, со временем», – подумал Холодковский.

Он ткнул в кнопку селектора:

– Юля, позови ко мне Васильева.

Спустя десять минут в кабинет, под гнусавое селекторное сообщение «К вам господин Васильев», в комнату быстрой пружинистой походкой вошел сам Сергей Васильев, заместитель Холодковского и его ближайший соратник.

На нем, как обычно, был черный костюм, черная рубашка и узкий алый галстук. Сергей ходил в таком одеянии уже почти год. Видимо, одевшись так однажды, он пришел в такой восторг от собственного отражения, что закупил с дюжину каждого из предметов этого гардероба и зарекся никогда с ними не расставаться, решив тем самым проблему утреннего (или вечернего, это зависит от дисциплинированности) выбора соотношения «костюм-рубашка-галстук».

– Доброе утро, сенсей, – произнес Васильев, наклоняясь в ритуальном поклоне со сложенными ладонями на уровне груди, и расплылся в улыбке.

Это была шутка, мягко говоря, не первой свежести, превратившаяся в традицию. Таким образом Сергей выказывал свое восхищение способностям и таланту начальства. Хитрость хода состояла в том, что лесть, поданная в шуточной форме, с одной стороны, была лишена своего грубого меркантильного обличья, поскольку как бы не воспринималась всерьез, но, с другой стороны, все-таки была лестью, которая не могла не быть приятна начальству.

– Проходи, садись, – заулыбался Максим традиционной шутке, – давай, рассказывай.

– Про вчера?

– Да, про него самого, ну и про сегодня, естественно.

Сергей сел в кресло. Его поза выражала расслабленность человека, осознающего свою значительность, но при этом не была настолько вальяжна, чтобы покоробить начальство.

– Ну, разумеется, все прошло как мы и задумывали, – начал Сергей, – эти дятлы даже не стали делать вид, что сомневаются. Акционеры сразу лапки кверху, генеральный позалупался, конечно, оно и понятно, он, в отличие от владельцев, денег не получит, тока под зад коленом. Ну да его быстро заткнули. В общем, обработали мы их в лучших традициях, да и цену нормальную предложили, деваться им некуда, они ж сами себе не враги. Так что, на сегодня договорились подписывать. Щас наши юрики бумаги готовят, думаю, с минуты на минуту все будет, ну, и можно рвать к ним в контору на победоносный въезд через главные ворота в сокрушенный непокорный город.

– Ладно, когда пора будет – сообщи, а пока иди, проследи, чтобы все было, как надо.

– Бude зделано, – выпалил Сергей, – Разршите ити?

– Давай-давай, – погнал помощника Холодковский.

Выпроводив Васильева, он снова подошел к окну и окинул взглядом улицу.

Потоки офисных заключенных иссякли – все расселись по своим камерам: начальники – по одиночным, обычные зеки – по общим. Окна кабинета были обращены на восток, и в ясную погоду из них можно было наблюдать восход над городом, что было весьма приятным мероприятием для хозяина кабинета. К сожалению, сегодня не только не было видно восхода утром, но и, видимо, не будет самого солнца днем. Вид серого, подсвеченного снаружи, неба снова нагнал на Холодковского задумчивую тоску.

Видимо, из-за значимости сегодняшнего события, он начал вспоминать свою юность и молодость, школьные и институтские годы.

У ученика средней школы Максима Холодковского конкретной цели чего-то добиться не было. Однако, еще в младших классах он начал замечать у себя некое внутренне превосходство над окружающими, с которыми, по непонятным причинам, они были согласны.

Максим всегда был лидером, будь то дворовые компании, школьные кружки или спортивные секции, в которые его отдавали родители. Причем никаких сознательных действий он для этого не предпринимал. Просто как-то так получалось, что сверстники после десяти минут пребывания в его обществе начинали, что называется, «смотреть ему в рот». Когда он вырос, то узнал, что это объясняется наличием «харизмы». Правда, когда он впервые услышал это слово, оно, по молодости, ему показалось смешным, неказистым и даже немного ругательным. Слишком уж первые три буквы, да еще со следующей за ними буквой «з», звучали грубо, и уж точно не могли быть наполнены глубоким духовным смыслом. Но потом, узнав о нем получше, к слову привык, ну, а когда обнаружил, не без удивления и удовольствия, эту самую харизму у себя, то и зауважал.

Холодковский хорошо учился в школе, замечательно играл в театральном кружке и многообещающе боролся в секции самбо. Это происходило не потому, что Максим обладал какими-то незаурядными способностями во всех этих видах деятельности, просто, во-первых, он был уверен, что если это делают все, то это определенно должно быть легко, потому как рассчитано на большинство, в том числе и самых слабых, а, во-вторых, он не мог допустить мысли, что он что-то делает хуже других или, по крайней мере, хуже этого самого большинства.

Такое мировоззрение не было воспитанно у юноши насильно, его воспитанием вообще мало кто занимался. Подобное отношение к окружающему миру ему досталось с рождения, так же, как людям достается высокий рост или склонность к полноте.

Вот так и продвигался Максим по жизни – уверенный в себе молодой человек, у которого все получается.

Однако, нельзя сказать, что жилось ему очень легко. Как производная от чувства уверенности и успехов во всех начинаниях, в жизни Холодковского постоянно присутствовал еще и страх поражения, который всерьез его мучил. Привыкший быть всегда на высоте человек боится оказаться в луже, потерять достоинство в глазах окружающих. Душевный механизм тут достаточно прост: чем дольше у человека все получается, тем меньше он имеет понятия о том, что значит потерпеть поражения. Он просто забывает, каково это, не помнит своих ощущений. Остается только уверенность в том, что проиграть – это плохо. А вот насколько плохо – здесь уже никакой определенности нет, а когда нет определенности, включаются воображение и фантазия. В результате, в соответствии с поговоркой «у страха глаза велики», возможность любого, даже незначительного поражения в уме юного Максима приобретало масштаб вселенской катастрофы. Этот страх не давал ему покоя перед любым, даже незначительным мероприятием.

Например, сдача экзамена в институте портила Холодковскому существование задолго до назначенной даты. Несмотря на то, что он всегда был хорошо подготовлен, картины позора при ответе экзаменатору, ведущие к низкой оценке, долго не давали заснуть накануне. Его всегда удивляли сокурсники, которые вечером перед экзаменом звонили ему, чтобы узнать название сдаваемого предмета и попросить «отксерить» утром «шпоры». Такие люди, давно привыкшие к поражению, несколько его не страшились, поэтому шли по жизни легко и непринужденно, впрочем, ничего при этом в ней не добиваясь.

Этот страх Максиму удалось побороть только спустя несколько лет, после окончания института. После некоторого времени по-настоящему взрослой самостоятельной жизни ему, благодаря своим способностям и харизме, удалось приобрести настолько прочную жизненную позицию, что она позволила прибавить к качествам характера здоровый авантюризм в сочетании с адекватным пофигизмом. Эта позиция не была связана с какими-то приобретенным материальными благами или высоким должностным статусом. Она лежала в области духов-

ного роста и интеллектуальных умозаключений. В один прекрасный момент Максим не только понял, но и почувствовал всем своим существом, что причин для беспокойства нет, просто потому, что они не существуют. Все проблемы, кажущиеся фатальными, рождаются и живут только у человека в голове, только там они принимают масштабы неразрешимости, и нигде больше.

Холодковский понял, что самое необратимое, что может случиться – это смерть, но поскольку рано или поздно это все равно произойдет, не стоит терять силы на обдумывание того, что неотвратимо. Более того, душевное состояние человека никак не влияет на ход вещей, поэтому тратить свои силы на переживания глупо. Так решил для себя однажды Холодковский, и ввел эту истину в ранг жизненной позиции.

С того самого момента дела Максима не просто пошли в гору, а полетели как под воздействием реактивной тяги. Обстоятельства не могли противиться служебному и материальному росту талантливого бизнесмена с железной нервной системой. Результатом такого положения вещей стал сорокапятилетний президент и совладелец крупной корпорации Максим Холодковский.

Однако, в соответствии с законом сохранения всего на свете, одно из основных положений которого гласило: «если где-то чего-то много, то там же чего-то другого мало», так называемая личная жизнь Максима развивалась из рук вон плохо. Та замечательная, нежная, ласковая, скромная девушка, которую встретил Холодковский еще будучи бедным студентом и на которой женился после окончания института, через два года брака вдруг превратилась в тупую, гулящую истеричку с самомнением размером с дом. Холодковский терпел свою жену в новом качестве ровно год, после чего настоял на том, чтобы она покинула его жизненное пространство. При этом полностью от последствий ее присутствия избавиться не удалось, поскольку в пору их мирного сосуществования у Холодковских родился сын, который к настоящему моменту вырос в двадцатилетнего кретина, являя собой стандартный продукт современной культуры и наличия богатого родителя. Сына назвали Сашей, как и большинство рождающихся тогда мальчиков, разумеется, придумав для этого имени исключительное обоснование, вроде того, что называют ребенка в честь какого-нибудь дедушки или в честь святого, про которого, впрочем, никогда бы и не узнали, если бы не посмотрели в церковный календарь в связи с рождением ребенка.

Теперь Саша стал одним из тех неприятных атрибутов жизни, которые называют «мой крест». Избавиться от них не представляется возможным, принять за нечто нормальное – тоже, остается смириться и стараться как можно реже вспоминать. В принципе, в этом плане проблем у Холодковского с сыном не было, слишком часто он отца не беспокоил, а все беспокойство сводилось к получению от него очередной порции материальных благ в денежном или каком-либо ином эквиваленте. Несмотря на внутреннюю неприязнь Холодковского к отпрыску, внешне отношения отца и сына выглядели вполне чинно. Никаких скандалов, ситуация обоим устраивала, и никто не желал ничего большего по сравнению с тем, что есть. Холодковскому нужно было, чтобы его не трогали – сын с удовольствием дарил отцу покой. Самому же ему нужны были деньги – Максим платил за свой покой без сожаления.

Однако были в этой идиллии и неприятные моменты, когда Александру по каким-либо причинам, а чаще всего это были незапланированные денежные траты, необходимо было встретиться с отцом лично. Разумеется, все вопросы можно было бы обсудить по телефону, но все-таки у Холодковских был некий обязательный минимум личных встреч, наличие которого позволяло поддерживать хоть какую-то иллюзию нормальных отношений.

К большому сожалению Максима именно сегодня, когда ему этого меньше всего хотелось, зазвонил мобильный телефон, и в трубке раздался голос ближайшего родственника:

- Ээээ, привет, пап..., – обозначил Александр свое существование.
- Здравствуй.

- Ээээ, как дела?
- Давай сразу к делу, я занят! – перевел разговор в деловое русло Максим.
- Ты сейчас в офисе?
- Да.
- Я забегу на пару сек.

Максим промычал в ответ что-то неопределенное, что можно было расценивать и как согласие, и как недовольство, или даже как нечто, не имеющее смысловой нагрузки. Но, судя по «оки», раздавшемуся на том конце линии, и последующему отключению, собеседник усвоил или сделал вид, что усвоил, ответ по первому варианту, то есть как согласие.

Холодковский, морщась от чувства дисгармонии, которое на него произвело «оки» собеседника, положил телефон в карман. Он терпеть не мог молодежный сленг, особенно применительно к своей персоне, и особенно с таким гламурно-голубым оттенком.

Настроение стремительно ухнуло вниз, но было тут же подхвачено усилием воли, тем самым, что помогало президенту держаться на волне успеха и при этом не становиться депрессивным трудоголиком. Александр определенно вот-вот будет здесь, все уже случилось, и расстраиваться по этому поводу уже глупо: так Максим привел себя в нормальный позитивно-конструктивный настрой.

Спустя двадцать минут, именно с таким настроением он и встретил вошедшего сына.

Александр вошел в кабинет, расплываясь в притворной улыбке сыновней преданности и всяческого участия. Это был молодой красивый парень невысокого роста. Если бы Максим поставил себе задачу выделить пару признаков, которые как можно полнее охарактеризовали бы его сына, он бы выбрал «смазливый» и «гламурный». Смазливость досталось ему от матери вместе с небольшим ростом, а гламурный лоск он приобрел под влиянием обстоятельств, в роли которых выступили избыток легких денег и отсутствие достойных интересов и увлечений. Как обычно, вид Александра напоминал фотографию из раздела «мода» в глянцевого журнале. Этакое идеальное сочетание нежной цветовой гаммы и оригинальных шмоток известных геев-дизайнеров, составленное известным геем-стилистом. К счастью Холодковского, сам его сын геем не был, иначе пережить такой позор Максиму не помогла бы даже его уникальная выдержанность. Напротив, Александр был жутким бабником, что в его случае, то есть при наличии папиных денег, называлось «ловеласом». Полную смену «парка» своих женщин Александр производил обычно раз месяц, не считая девушек, снятых на одну ночь. Откуда в Москве было столько девушек, которым не было заранее известно о привычках Александра, Максим понять не мог. С другой стороны, вполне возможно, что все они сознательно шли на такие отношения за вполне понятную выгоду.

Холодковский посмотрел на часы – было без десяти одиннадцать. Самое продуктивное рабочее время было потрачено впустую и, судя по всему, остаток времени до обеда также канет в лету бесполезности, израсходованный на беседу с сыном. Максим терпеть не мог подобное разгильдяйство среди своих подчиненных и не считал нужным позволять его себе. «Для меня десять минут – это время», – любил он говорить, поясняя на примере очередному провинившемуся в трудовой дисциплине работнику свои взгляды.

– Привет, – сказал вошедший молодой человек и плюхнулся на стул напротив стола президента.

– Двадцать минут назад здоровались, – ответил Холодковский, тратя кучу внутренних сил на поддержание в своем голосе сдержанной дружелюбности по отношению к собеседнику.

– Как дела? – не унимался Александр.

– Спасибо, недурно, – ограничился сухой констатацией Холодковский. Естественно, что никакой более детальной информации о состоянии своих дел отец сыну давать не собирался. Да и для сына эта информация была не интереснее судьбы депутатов турецкого парламента. – Ты что-то хотел? Извини, но я на самом деле здорово занят сегодня.

– А, ну, на самом деле, да, – не стал темнить Александр, – есть у меня одно дело. Тут такое дело, как бы, на самом деле, – начал он свое обстоятельное объяснение. – В общем, я хочу, типа, стать звездой.

– Шикарно, это все? – спросил Холодковский – Еще пожелания будут? Космонавтом там, или Бэтменом?

– Да нет, ты не понял, – заерзал на стуле Холодковский-младший. – Это ж тема не с потолка, это реально, я все обдумал, дай изложу.

– Ну-ну, времени у меня немного, но в данном случае, пожалуй, попробую. Все-таки, я твой отец и не должен пропустить тот момент, когда тебя уже стало пора показывать специалисту. Я имею в виду врача. Ну, и на каком поприще ты собираешься получить всеобщую известность? – продолжил бичевание отец. – Петь ты, вроде, не умеешь, хотя на нынешней эстраде это не главное. Может, будешь в кино сниматься, или в цирке выступать? Ты на пианино не разучился играть после музыкальной школы? Это может здорово помочь. Начальное музыкальное образование и владение инструментом – большая редкость в современном шоу-бизнесе.

– Ну, пап, погоди! Дай сказать, почему ты меня все время за дауна держишь?

– Дорогой мой, я тебя не держу, ты сам себя держишь. В общем, ладно, излагай, – успокоился Холодковский.

– А, спасибо. Ну, короче, тема такая, базар идет не о том, о чем ты щас говорил, никаких продюсеров и все такое. Петь и плясать я не буду, по крайней мере, пока, – Александр робко улыбнулся. – В общем, у меня есть знакомый кент, у него батя какой-то политик, ну, да это не важно. В общем, у него есть сестра, у кента этого, и ей этот политик, папаша то есть ее, решил сделать передачу на ящике, и чтобы она там ведущей каждый день светила, заодно и бабок заработала. Или там уже передача была, а ее потом туда пихнули, я подробностей не знаю.

– Я рад за всю семью твоего политика, а ты-то куда собираешься залезть? В осветители, что ли? Это я за, работа постоянная, говорят, что при солидном опыте недурно оплачивается. Только моя-то помощь в чем нужна? Рекомендации написать?

– Да не, при чем тут осветитель, я ж сказал – буду типа как звезда почти. Там эта передача, это типа реалити-шоу, называется «Найди свою любовь». Тема такая: несколько пацанов и столько же чувих будут жить где-то отдельно и искать свою любовь, причем между собой, и все это будут снимать на камеры.

– Чудно, а ты-то тут при чем?

– А при том, что пацанов этих будут кастинговать...

– Че делать? – прервал сына отец. – Если хочешь продуктивно общаться – выражайся, пожалуйста, на одном из известных мне языков.

– Извини, ну, кастинг будут проводить, то есть отбирать из кучи желающих. Ну, а я договорюсь, и меня выберут по-любому, тока нада бабла накатить...немножко. Но ты не переживай, я потом все отобью, это реальный бизнес-проект, – зачастил Александр, видя как отца передернуло, как только разговор свернул в финансовое русло. – Но там немного, полтос, не больше. Ты же говорил, что дашь мне денег, если на дело.

– То есть ты там на глазах всего честного народа любовь свою искать будешь? – рассмеялся Максим. – По кабакам искал-искал – не нашел, теперь на телевидение искать пошел. И давно ты стал такой романтичный?

– Да при чем тут любовь? – удивился Александр. – Нафига мне эти колхозницы, я ж тебе говорю – звездой побуду и бабок заработаю

– И как ты собираешься на этом заработать? Какой-такой деятельностью?

– Ну как, ты чего, нас же по ящику будут с утра до вечера показывать, нас же каждая школьница будет знать и боготворить. Потом на одной рекламе можно поднять будь здоров,

да и вообще! Потом петь, и в эстраду, и ведущим каким-нибудь можно, это ж поле для деятельности немеренное.

– И сколько это твоя передача будет продолжаться?

– Ну, минимум два месяца, а там как пойдет.

– А как же университет? Ты не забыл, что ты еще и учишься?

– Да с этим ваще проблем не будет, я в деканате договорюсь, это ж МГУ, а не какой-нибудь заборостроительный!

– Саша, – Холодковский всем своим видом постарался выразить отцовское участие, – ну когда ты повзрослеешь? Что ты все ересью какой-то голову себе забиваешь? Да, я сказал, что, если понадобится, я дам тебе денег на дело. Но определяющим понятием здесь является «дело». А то, на что ты хочешь взять денег – это не дело, это... Короче, я в этом участвовать не буду и поддержки моей не жди, все, разговор закончен!

– Ну, пап, – попробовал зануть Холодковский-младший.

– Все, аудиенция закончена! Всего наилучшего.

Александр знал, что после такой фразы, произнесенной отцом, канючить бесполезно, поэтому вскочил со стула и быстро зашагал к выходу, всем своим видом выражая негодование и оскорбленность.

Максим откинулся в кресле и внимательно посмотрел на уходящего сына. Как так получилось, что этот молодой человек его так сильно раздражает? Даже отцовские чувства не могли смягчить этого ощущения.

Возможно, его раздражал не конкретно его сын, а все ему подобные, вся прослойка общества состоящая из детей состоятельных родителей.

Когда сын родился, Максим и представить себе не мог, что когда Александр вырастет, он станет частью того нового класса, который называют золотой молодежью. Когда Холодковский приумножал свой капитал, он думал о чем угодно, только не о том, что это растет пропуск его сына в этот самый класс.

Но главная ирония сложившейся ситуации состояла в том, что Максим меньше всего хотел, чтобы его сын стал частью этой самой молодежи. Но процесс этот оказался неотвратим, а теперь уже и необратим. Потому что никаким воспитанием и финансовыми ограничениями Александра уже не удастся вернуть к нормальному отношению к окружающему миру и к себе самому. И основная тут причина в том, что этого состояния у него никогда и не было. Нельзя вернуть человека туда, где он никогда не был. А заново все объяснять уже поздно.

Теперь Александр принадлежит к ватаге гламурных питекантропов, настолько же ничемных, насколько уверенных в своей исключительности, которая зижделась на финансовых возможностях родителей.

Но если бы все это поколение представляло собой некую пассивную массу, не влияющую на окружающий мир, в этом не было бы никакой беды. Главная же трагедия состоит в том, что те же легкие родительские деньги, которые отняли у них интеллектуальный и духовный мир, дали им власть и возможность влиять на все вокруг, как неумышленно, так и сознательно.

Неумышленное влияние состоит в том, что эти люди представляют собой самых влиятельных потребителей на рынке. Причем, потребителей не каких-нибудь там зубных щеток с особым наклоном щетины и таблеток от головной боли, а домов, квартир и спортивных автомобилей. У них много денег, и они готовы с ними расстаться без сожаления – мечта менеджера по продажам. Конечно, рынок не мог пропустить такого покупателя и прореагировал адекватно: рекламщики и пиарщики всех мастей раскатали перед ними красную ковровую дорожку восхищения и преклонения, которая вела, разумеется, в офисы продаж, элитные фитнес-центры, рестораны и ночные клубы. И все бы было ничего, если бы это осталось только между основными действующими лицами. К сожалению, если на войне идет бомбардировка, достается всем, кто попал в зону поражения. Реклама и пиар, заточенные под богатых дураков,

ведутся качественно и масштабно, а значит, захлестывают собой и огромный кусок публичной культуры, как то книги, музыку, телевидение, а, значит, и всю ту нецелевую, казалось бы, аудиторию, которая по наивности своей все это читает, слушает и смотрит.

И вот не прошло и десяти лет, как каждый неокрепший интеллектом подросток узнал, что круто быть не умным и сильным, а красивым и богатым. Духовные ценности, которые, как оказалось, были даже при Советском Союзе, потеряли смысл своего названия. В ранг величайших достижений личности были возведены наличие золотой кредитной карты, дорогой автомобиль, дом на Рублевке, а самым достойным времяпрепровождением – ресторан или ночной клуб. С этого момента все новые поколения стали расти с потребностями золотой молодежи и возможностями золотой интеллигенции. Вот и получилось, что те, кто изначально не был способен сделать хоть что-то для этого мира, лишил этой возможности практически всех остальных.

Но на этом пагубное влияние богатых детишек на окружающих людей не заканчивается. Все становится еще хуже, когда этим жертвам обстоятельств становится скучно, и они начинают мучиться жаждой деятельности. Разумеется, что деятельность их не может быть созидательной. В силу своей натуры, они не способны создать что-то ценное для этого мира. В лучшем, самом безобидном, случае, они уходят в бизнес, иногда даже успешно, поскольку, воспитанные под влиянием избытка денег, наглость и уверенность в себе в некоторых коммерческих областях становятся очень полезными, если не сказать – обрекающими на успех. Ну, а в самом худшем случае, они идут по творческому пути или близкому к нему – создавать передачи на телевидении, писать и издавать книги. И тут им также в некоторых случаях сопутствует успех, потому как большая часть этих сфер деятельности заточена под таких, как они, и на них же работает, а, следовательно, кто еще может разбираться в этом лучше, чем они сами?

Вот так и создается современная культура: в угоду богатым дегенератам и, частично, ими же самими.

Холодковский осознал это уже давно, и именно поэтому не дал сегодня сыну денег: не хотел участвовать в процессе всеобщей деградации. Может, благодаря ему, хоть на одного самовлюбленного кретина в российском шоу-бизнесе будет меньше.

Выводя президента из задумчивости, зазвонил телефон характерной трелью внутреннего вызова. Максим не спеша подошел к столу и поднял трубку.

– Ну, все, можно ехать, – раздался голос Сергея.

– Хорошо.

Положив трубку, Максим бросил в микрофон селектора: «Юля, выезд!».

Эта фраза, произнесенная главой компании, запустила механизм давно сложившийся, годами откорректированный и не одну сотню раз испытанный. Прошла секунда – Юля позвонила в комнату охраны и сообщила, что шеф выезжает. Еще секунда – в гараж и к кабинету президента бежали пять охранников. Лифтом пользоваться запрещалось, он мог застрять, что привело бы к огромному конфузу – шеф в гараже, ни охраны, ни водителя нет. После такого в лучшем случае просто уволят, причем, не только непосредственных виновников промашки.

Максим же, тем временем, никуда не спешил. Вместо того, чтобы направиться к двери, он вернулся к окну и продолжил прерванные визитом сына размышления.

Сегодня наступит тот самый этап, который Холодковский определил для себя когда-то давно как если не завершающий, то, по крайней мере, финальный. Он за свои, и только за свои, деньги приобретет компанию, которая будет приносить ему доход долгие-долгие годы. Тот самый «свечной заводик», о котором так мечтали когда-то герои Ильфа и Петрова. Бизнес, правда, для него не совсем профильный, но зато более чем перспективный. Деньги – они везде одинаковые, а технической стороной и маркетингом будут заниматься специально обученные люди.

«Интересно как все сложилось», – думал он, – «почему все так? Вот, наконец, я достиг, что называется, того, о чем мечтал. Наверное, я должен чувствовать ликование, или хотя бы просто радость?»

Максим попробовал поискать в своих ощущениях чувство ликования или радости – не нашел.

«Наверное, это от того, что я пока не осознал всю прелесть обретаемого статуса, в этом проблема», – думал он, – «надо отвлечься от рутинной суеты и подумать о том времени, что меня вскоре ожидает. С другой стороны, с утра уже торчу перед этим окном и все думаю, вспоминаю. Видимо, недостаточно. Надо сосредоточиться. Итак, подытожим ситуацию: еще немного, еще неделя, максимум месяц – и я, спустя много лет трудов и притеснений, стану свободным! Независимым ни от каких марзматикиков из совета директоров, ни с кем не считающимся, собственником крупной компании. Ну разве не грандиозно!» – пытался раззадорить себя Максим.

Эта перспектива грела его душу более двух десятков лет, пока приходилось вкалывать, света белого не видя, прогибаться под тугодумное начальство, лебезить перед быдлом, которое, в соответствии с постсоветскими традициями, непременно должно было оказаться на какой-нибудь ключевой должности и выступать в качестве заказчика.

И вот теперь всю эту гадость будут делать за него другие. Он даже не будет генеральным директором своего предприятия – эту должность он приберет для Васильева. В нем он уверен. Не настолько, конечно, чтобы не приставить к нему парочку контролеров, от этого уж никуда – законы большого бизнеса, но достаточно, чтобы не волноваться о сохранности и преумножении своих капиталов.

Максим сел за стол, откинулся в кресле и закрыл глаза. Вот так все и будет, все так, как он мечтал на заре своей трудовой деятельности. Собственная компания под управлением надежного человека, и он, в праздной неге отдыхает на своей загородной усадьбе, или нет, лучше на вилле во Франции, или в Париже. Впрочем, не важно, скорее всего и там, и там по очереди. Причем, пребывание в том или ином замечательном месте не будет ни в коем случае ограничиваться какими-то служебными надобностями, только внутренними ощущениями комфорта.

Но самая главная мысль, которая приносила ему наибольшее удовлетворение – так это то, что он больше не будет видеть каждый день своих офисных работников, это стадо пролетариев-белоручек. Как они все его достали! И речь идет, конечно, не только об этой овце Юле за стенкой. Она-то, как раз, самый безобидный из них экземпляр. Безобидный, конечно, имеется в виду, по отношению к самой себе, а не к окружающему миру. На мир-то все эти клерки вообще никакого влияния иметь не могут. Слишком нейтрально их поведение по отношению к окружающему эфиру. Вся их жизнь – как рябь на поверхности океана во время штиля: если присмотреться, то ее можно заметить, она как бы есть, а если не присматриваться, то о ее существовании и не подозреваешь. А вот Максиму невольно приходилось присматриваться, более того, даже участвовать в создании этой бестолковой ряби на поверхности настоящей жизни. И это как раз и было для Холодковского самое страшное – он не возвышался сверхсуществом, образцом духовности, морали и интеллекта над этой серой офисной массой, а опускался до их уровня. Бизнес затягивал его в эту клоаку мелких трагедий и меркантильных страстей. А сам Максим менялся под действием этой атмосферы, сливаясь с окружающей действительностью.

«Наверное, большинство людей скажут», – думал он, – «что не люди такие – жизнь такая, что все офисные роботы – продукт жестоких законов бизнеса. Вот только он знает, что все это софистика. Все эти жестокие законы бизнеса создают сами люди, как сверху, так и снизу. Доказательством тому служит тот факт, что в разных странах они разные. Кто заставляет работников отечественных офисов быть такими? Ответ простой: они были такими всегда, только в разных ипостасях. Раньше это были полуграмотные работяги, вкалывающие по десять-двенадцать часов в день без выходных на фабриках и заводах. Их заставляли? Ну конечно, их застав-

ляли, жизнь была такая, именно поэтому они весь день работали, а весь вечер бухали. Потом, конечно, восстал их разум возмущенный! То есть, разумеется, не сам, взял так – и восстал, сам их разум мог только в туалет проситься, тут, конечно, помогли. Ну, а когда помогли, да еще и халяву посулили, тут весь этот сброд ломанулся делать революцию. Да и кто же откажется, если такая перспектива – отнять и поделить. Ну, и чем все кончилось? Все стало по-прежнему, только еще хуже – половина этих горе-халявщиков вкалывали в лагерях пуще прежнего, причем, совершенно бесплатно, другая половина, напичканная идеологией по самые уши, вкалывала вообще неизвестно на кого, да еще и радовалась этому факту. Очень остроумно все разрулилось: пустую голову легче всего было набить идеологией, как пелось потом в детской песенке «на дурака не нужен нож – ему с три короба наврешь, и делай с ним что хошь». То есть, будет вкалывать как миленький, а тех, у кого голова недостаточно пустая – на принудительные работы в лагерь. Многие современные коммерческие компании тоже пытаются идти по первому пути, выдумывая «корпоративную этику», «командный дух», «общее дело» и «сплоченность коллектива», вот только плохо это приживается в отечественных условиях. Видимо, недостаточно времени прошло, чтобы рабочий класс снова купился на старый флуфел, да и образования у них немного прибавилось, в интересах дела, разумеется.»

«А что сейчас?» – думал Максим. – «Ведь тоже все безрадостно, как ночью зимой на болоте. Советский строй развалился, железный занавес, а с ним и все решетки, двери и окна распахнулись, а за ними обнаружили огромные горы государственного имущества. Государства нет, а имущество есть! Оказывается, вот куда пошли трудозатраты советских людей. Рядом с этим бесхозным великолепием, по счастливой для них случайности, оказались люди, почти что мимо проходили. Люди эти поглядывались-поглядывались – хозяев вроде нет, да и взяли себе, сколько смогли унести. Так в России появились олигархи. Были, конечно, и олигархи другого происхождения, вроде Холодковского, которые подключились уже потом, в процессе использования бесхозного добра, но эти уже были помельче, что сыграло впоследствии в их пользу. Когда, спустя годы, переродившееся государство решило отомстить за бесцеремонное к себе отношение публичной поркой некоторых из наиболее злостных присваивателей ее имущества, под праведный гнев попали крупные фигуры, мелочевку, вроде Холодковского, трогать не стали.

И вот, очередной переходный период завершен, и распределение ролей на ближайшие поколения закончено. Общество разделилось на тех, кто успел и кому повезло, и на тех, кто не успел и кому не повезло. Первые стали нереально большой для новой России толпой олигархов и просто очень состоятельных людей, вторые – новым рабочим классом, который помогает приумножать состояние первых в тщетной надежде к ним примкнуть. Некоторым, впрочем, примкнуть удастся, конечно, не к олигархам, а пониже, но, тем не менее, их пример служит дополнительной стимуляцией для всех остальных.

Правда, стимуляция такого рода подходит не всему офисному рабочему классу, поскольку последний тоже делится на категории, разные по своей сути. Их, как минимум, две: первые – это как раз те, которые очень хотят заработать много денег и готовы ради этого на все, вторые – те, кто хочет заработать денег побольше, но не напрягаясь (этих, как всегда в России, подавляющее большинство). Первые – активные, нервные, подбострастные, вторые – вялые, скучающие, неудовлетворенные. Разумеется, существует и множество промежуточных типов, да и переход из одного типа в другой под воздействием обстоятельств – не редкость.

Вот из такого материала и на таких предпосылках строится атмосфера современного столичного офиса. Естественно, что на такой почве не выращиваются гении технической или творческой мысли. Даже если у кого-то и были какие-то таланты, все они сводятся на нет без соответствующего использования, и, очищенный от лишних способностей, сотрудник вливается в один из типов офисных роботов.

В такой клоаке Максим жил больше двадцати лет. Но теперь он в этом участвовать больше не будет, и все это болото будет видеть не чаще одного раза в месяц, и то мельком, проходя по коридору в переговорную. Хотя нет, еще реже – почему бы Васильеву не приезжать с докладами к нему, даже если его и в стране-то не будет: верной собаке сто верст не крюк.»

При размышлении об этом настроение Максима заметно улучшилось, видимо, избавление от офисного общества для него было еще более отраднее, чем безвременный отпуск.

Президент перестал рассматривать унылые пейзажи, кинул взгляд на наручные часы и, поняв, что провел в раздумьях больше времени, чем следовало, резко встал и быстрым шагом вышел из кабинета.

За дверью со своих стульев, завидев шефа, вскочили два охранника – один, опередив Холодковского, пошел в нескольких метрах от него, второй пристроился сзади. Процессия прошла по коридору, распугивая офисных работников административного этажа, и загрузилась в лифт, который опустил всех троих в подземную стоянку.

Выходя из лифта, Холодковский заметил в глубине стоянки какого-то клерка, робко рассматривающего его свиту. Представитель серой массы офисных работяг удостоился целой секунды внимания президента, что, наверняка, было им с восторгом замечено и теперь станет темой вдохновенных рассказов на ближайшие несколько дней.

Максим же сел в машину, на заднем сиденье которой его уже ждал Васильев. Охранник аккуратно захлопнул за шефом дверь и, обежав вокруг автомобиля, сел на переднее пассажирское место.

Спустя несколько мгновений, из подземного гаража одного из столичных офисных зданий выехал диковинный итальянский спортивный автомобиль с флажком на номерах и мигалкой. Сзади, нарушая изящность картины, перся угловатый джип с охраной. Процессия покатилась по улицам Москвы, собирая завистливые и ненавидящие взгляды простых смертных. Поплутав немного по узким улочкам центра, машины выехали на широкий проспект и, набрав скорость, двинулись к цели, распугивая зазевавшихся на крайней левой полосе автомобилистов попроще.

Под мягкое шуршание шин Максим, откинувшись на кожаном сиденье, обдумывал предстоящее мероприятие.

Все как будто было подготовлено и исполнено идеально, остались чистой воды формальности, однако, внутри ворочалось необоснованное беспокойство. Самоестораживающее было то, что беспокойство было именно необоснованным: хуже всего, когда чувствуешь опасность, но даже не подозреваешь, откуда она может грозить. В подобном случае нет возможности подготовиться и укрепить обороняемый участок. Закрадывалась даже мысль, что беспокойство не связано с предстоящей сделкой и носит более глобальный характер. А может, это просто дождливая погода и утренняя задумчивость навеяли необоснованную тревогу.

Зря он потратил целое утро на пустые размышления. Он, конечно, полностью доверял Васильеву, но все-таки мероприятие знаковое, надо было самому прогнать все варианты. Один управленец хорошо, а два – уже команда.

Тем временем машина подъехала к новой пятиэтажке, построенной турецкими строителями под дворянский стиль девятнадцатого века. Васильев выскочил из машины раньше охраны и побежал на проходную предупредить, чтобы местные остолопы не вздумали требовать пропуск у солидной делегации. Максим, тем временем, вылезал не спеша, окруженный заботой телохранителей.

Когда Холодковский вступил в свои, без пяти минут, владения на него устремились подбодрительные взгляды не только местных секьюрити, но и всех присутствующих в холле. Можно было подумать, что Васильеву удалось за несколько минут каким-то образом объяснить всем, в том числе и случайным присутствующим, всю торжественность момента. Завидев Холод-

ковского, люди начинали торопливо здороваться и пытались как можно быстрее, но не теряя достоинства, самоликвидироваться.

Разумеется, разгадка крылась не в уникальных ораторских способностях Сергея, а в болтливости местных секретарш, которые по долгу службы были посвящены практически во все дела компании, а следовательно, и в обстоятельства запланированного визита. Одной секретарше поручили подготовиться к встрече важных гостей, другая распечатывала и оформляла договора на передачу компании в собственность новому владельцу, третья – спала с парнем из юридического отдела. Так, при помощи аськи и трепатни в курилках, путем объединения информации каждого с последующим распространением всем, ближайшая судьба компании был известна даже курьеру, принятому на работу вчера.

Васильеву же, как человеку, вылезшему из дорогой черной машины, подъехавшей к главному входу в сопровождении охраны (обычно гости такого ранга входили через черный ход) даже не пришлось ничего объяснять, все и так были готовы. Каждому хотелось показать свою осведомленность, как следствие близости к высшему начальству, путем проявления понимающего отношения с налетом деловой пренебрежительности.

Проанализировав сложившуюся ситуацию, Холодковский принял свое первое управленческое решение на новом поприще – поручить Васильеву выяснить, почему все так, и, если его подозрения оправдаются, поувольнять нафиг всех местных секретуток и набрать тех, кто умеет справляться с порывами словоизлияний на служебную тему. Окинув присутствующих взором, содержащим именно эту мысль, и давая всем своим видом понять, что он «крутой, но справедливый», Максим двинул свою процессию в недра здания.

Поднявшись за Васильевым по широкой мраморной лестнице на второй этаж, Холодковский оказался в просторной приемной, в которую выходили две двери – большой переговорной и кабинета генерального директора.

Пока он проходил через приемную, его взгляд скользил по окружающему интерьеру, подмечая интересные детали, чтобы потом, если понадобится, проанализировать увиденное. За многие годы активной коммерческой деятельности Холодковский выработал свой стиль оценки партнеров по бизнесу, и не последнее место в этом процессе занимал анализ офиса, особенно его публичной части, к которой хозяин не мог не применить свой собственный вкус. Однако приемная, в которую вошел Максим, не представляла из себя ничего интересного с точки зрения подобного анализа. Классический продукт работы офисного дизайнера при минимальном участии заказчика, что позволяло сделать вывод о том, что в этом бизнесе не было любящего хозяина, по крайней мере в период, когда оформлялась это помещение. С другой стороны, очевидно, что дела тут идут неплохо и счета дизайнеру подписывали не глядя.

Два кожаных дивана, среднего размера фонтанчик, стены пастельных тонов, скрытые освещением, и черно-белые, наверняка, авторские, фотографии в рамках. Солидно и уютно. Разумеется, перед дверью в кабинет генерального была размещена картинного вида секретарша, которую держали на работе с той же целью, что и охрану Холодковского, то есть для солидности. Секретарша была на редкость неприятная: то самое сочетание модельной внешности и уверенности в ее непреходящей ценности, которое Холодковского серьезно раздражало. Таких он никогда не брал на работу, и старался проконтролировать, чтобы никто из его подчиненных тоже не брал. Он был уверен, что модельная красота ставит стопроцентный крест на всех остальных качествах, считая всех красавиц стопроцентными дурами.

Об этом он думал, пересекая приемную, когда, вдруг, случилось нечто неожиданное.

В тот самый момент, когда Максим уже заканчивал осмотр помещения, его взгляд наткнулся на что-то из ряда вон выходящее, настолько диссонирующее с привычным представлением о том, что он должен был увидеть, что Холодковский неожиданно для себя остановился, да так резко, что шедший за ним охранник чуть не наскочил на шефа.

Часть окружающего мира, которая произвела на Максима такое впечатление, была девушкой в оранжевом платье, скромно сидящей на краю кожаного дивана и с интересом наблюдавшей за вошедшими.

Холодковский стоял посреди комнаты и рассматривал девушку. В первый момент он не мог понять, что в ней так привлекло его внимание, но в следующую же секунду понял – все. В ней все было удивительно и невероятно: скромное оранжевое платье жизнерадостного оттенка, веснушки на лице, непослушные волосы, выющиеся во все стороны, небольшие карие глаза, бледные губки и вздернутый носик. Она будто светилась изнутри. Но самым особенным был ее взгляд, который непонятным образом сочетал в себе чистоту наивности и мудрость. И было совершенно ясно, что эта девушка не принадлежала миру офисных роботов, от которого так мечтал избавиться Максим. Он это понял в тот самый момент, когда ее увидел. Впервые за два десятка лет он смотрел на человека из заветного мира грез.

Шло время, секунда за секундой, Максим смотрел на девушку в оранжевом платье, а девушка смотрела на него и улыбалась. Эта улыбка была не натянутой, как для очередного приветствия в коридоре, а искренней улыбкой человека, который увидел что-то, что ему понравилось, умилило или немного рассмешило. Мир вокруг Максима расширился под воздействием их взаимного взгляда и удалился за границы сознания. Он не помнил ни причины, по которой он очутился здесь, ни того, где именно здесь он очутился.

Холодковский ни за что на свете не вышел бы из этого состояния по собственной воле, но, видимо, окружающий мир не собирался его отпускать так просто, и послал своего приспешника вернуть ренегата обратно. Приспешником оказался маленький, толстый до круглизы, лысый и улыбающийся самой наиприятнейшей, на его взгляд, улыбкой мужчина, который выскочил из распахнувшихся за спиной Холодковского дверей переговорной.

Это был финансовый директор компании Бенсион Абрамович Либерзон, причем, без пяти минут бывший директор, и он сам это прекрасно понимал.

– Здравствуйте-здоровствуйте, как ваши дела, как добрались? – замурлыкал встречающий, заставив Холодковского оторвать взгляд от чуда и обернуться на источник шума. – Все в сборе, только вас и ожидаем.

Вернувшийся в повседневное состояние, Холодковский сухо пожал Либерзону руку и, жестом оставив охрану скучать за дверью, вместе с Васильевым прошел в открытую дверь.

Зал переговоров, или попросту переговорная, был устроен с понтом голливудских фильмов про миллионеров. Слишком уж пафосно для компании средней, по московским меркам, руки. «Прямо собрание ордена люминатов какое-то», – подумал Максим. Посреди зала из белого мрамора с колоннами стоял аэродромной величины дубовый стол, обрамленный стульями с высокими спинками. За столом сидели три человека: одного из них Холодковский знал – это был генеральный директор конторы, следовательно, два других должны были быть ее совладельцами.

Пара совладельцев состояла из двух наиболее ярких типажей постсоветского бизнеса. Один – мордастый, тучный, с дебиловатым взглядом и выражением лица демагога – явно бывший коммунистический чиновник, вынесший из Советского Союза самое лучшее, то есть материально ценное. Другой – не менее мордастый, однако в рамках общей величины тела, сложение которого не уступало хололковским охранникам – явный представитель организованной преступности девяностых годов, или попросту бандит.

Максим по привычке произвел оценку участников переговоров: с экс-коммунистом общаться бесполезно, по крайней мере по существу – туп как стул, на котором сидит, при том, что рассуждать может о чем угодно часами, без какого-либо результата (издержки былой профессии). До сих пор продержался в бизнесе только благодаря номенклатурным связям и таким же дармоедам, как он, в данном секторе бизнеса (между собой им легче договориться). А вот

бандит – другое дело: если до сих пор жив – значит, котелок варит, а так как не просто жив, а еще и бизнес рулит – варит будь здоров как.

Тем временем, хозяева поднялись навстречу вошедшему для вступительного рукопожатия.

Ритуал приветствия прошел с деловой поспешностью, после чего все уселись за стол. Либерзон, директор и совладельцы с одной стороны, Васильев и Холодковский – с другой. Обмен визитками, и вот перед Максимом лежат четыре карточки с именами собеседников в том же порядке, что и сами собеседники напротив.

ЗАО «Энерго» – гласил заголовок все четырех визиток.

«Бенсион Абрамович Либерзон, финансовый директор», – начал внутреннее знакомство Максим, – «этого мы знаем, хитрый еврей. Такое впечатление, что последнее время стало модно назначать на ключевые должности сотрудников с ярко выраженными еврейскими именами. Шик, что ли, это такой, типа как официантка-китаянка в суши-баре? С этим все ясно – ведет финансы, в другие дела не лезет, в данном случае функционал полностью описывается названием должности.

Канатов Владимир Алексеевич – тот, который коммунист. Должность не указана, следовательно, в компании никакими делами не занимается, только приезжает деньги из сейфа забирать, а визитки – для представительства. Наверняка, бывший партийный функционер. Тип под названием «из народа». Был весь такой из себя, за простых людей, ходил по кабинетам, тряс патриотически кулаком, не замолкал на собраниях». Холодковский таких сильно не любил, слишком много натерпелся он от них на своем пути вверх и именно из-за таких этот путь был таким поганым. На подобных кретинах и держался весь советский строй, малообразованных тугодумах, возомнивших себя чем-то значительным среди еще больших тупиц.

С другой стороны, приятно, что в данном случае, Максим – главный персонаж всего мероприятия. «По возможности нужно будет поддать негодю «за всех униженных и оскорбленных», – промелькнула у Холодковского мстительная мысль.

Следующий: Буров Валерий Александрович – тот, что бандит. Опять без должности, оно и понятно. Досье на этого человека, подготовленное службой безопасности Холодковского, было в несколько раз толще, чем у коммуниста. Примечательный персонаж. В детстве был примерным мальчиком, учился хорошо, поступил в какой-то заборостроительный институт, на большой у родителей денег не хватило. Отучился на красный диплом и пошел после института честно торговать каким-то импортным мусором. Типичный рабочий класс и потребитель примитивной отечественной рекламы. Ан нет, случился в судьбе поворот – ушли из жизни родители, отец, кажется, в аварии, мать, вроде как, от болезни, но сразу после отца. Тут парня как сдуло из рядов приличных обывателей. Занимался всем, от фарцовки до рэкета, завязался с ментами, потом с администрацией – поднялся на каких-то бюджетных махинациях, после чего ушел в серый бизнес, то есть в официальный, по российским понятиям. Теперь солидный человек, хотя физиономия и телосложение все равно выдают прошлый род занятий, а уж для такого опытного физиогномиста, как Максим, вообще все ясно и без досье.

Даже на счет такой резкой смены жизненных приоритетов в столь зрелом возрасте у Холодковского было предположение, граничащее с уверенностью. Метаморфоза из ботаника в бандита легко объяснима, если посмотреть на случившееся с психологической точки зрения. Внутри Буров всегда был сильным и безрассудным бойцом. Единственной его слабостью было то, что из-за роли единственного сына в семье и соответствующего воспитания он был «родительским подкаблучником». Он не мог жить, как ему хотелось, потому, что просто боялся расстроить родителей. Внутренне он ненавидел их, для него они были тюрьмой, мешали развитию его как полноценного человека, но это чувство не могло выплыть на уровень осознанного. Наверняка, когда родителей не стало, сразу после короткого приступа непреодолимого горя, а возможно – и вместе с ним, Буров испытал облегчение. Через несколько месяцев облег-

чение переросло в ликование, которое не могло сдержать даже чувство утраты. Он ощутил себя самым свободным человеком на планете, а значит – самым сильным. С хищным оскалом и чувством вседозволенности и неуязвимости в душе он вклинился в криминальные зачатки тогдашней экономики, делая все то, что недавно было запрещено родителями. Запрет закона по сравнению с контролем родителей, сброшенным с плеч, был неощутим и неубедителен. Его психологический перелом был похож на перелом, который произошел много лет назад с Холодковским, когда того перестала волновать и страшить окружающая действительность. Отличались только причины и следствия, механизм же был аналогичен. Другими словами, Максим чувствовал, что перед ним сидит практически родственная душа, и, несмотря на типаж такого родственника, испытывал к нему симпатию.

Последняя, крайняя справа визитка гласила: Сахаров Анатолий Борисович, генеральный директор. Долговязый мужчина средней внешности. «И наверняка средних умственных способностей», – продолжил анализ присутствующих Максим. Пару-тройку бестолковых, но престижных образований, типа МГУ, ЭмБиЭй, какая-то кандидатская на нейтральную тему, два иностранных языка, стажировка там да сям – классический топ-менеджер: грамотный, исполнительный, лояльный, без закидонов. Не такой талантливый, конечно, как Васильев, но дело поручить можно, будет действовать в строгом соответствии с линией партии. Надо с ним потом будет пообщаться наедине, может, оставить на том же окладе, но с должностью попроще. Он всю местную кухню знает, будет хороший помощник Васильеву. Главное, чтобы зло не затаил, тут аккуратнo нужно, а то можно пригреть на груди змею. По-хорошему-то, конечно, надо бы попереть, вместе с Либерзоном этим, ну да видно будет.

– Ну что, господа, – нарушил ожидательное молчание Холодковский, – насколько мне известно, все документы готовы, условия сделки согласованы, остались юридические формальности. Я прав?

– Да, именно так, – ответил бандит. – Договора согласованы полностью, осталось только подписать высокому собранию, – Буров вопросительно посмотрел на коммуниста.

– Да-да, господа, именно так, – пробасил Канатов. – Остались рабочие, так сказать, формальности. Что называется, утвердить наши намерения документально, что, несмотря ни на что, все-таки самое главное, и я бы даже не побоялся этого слова – практически, основное. Со своей стороны хочу отметить...

– Вова, не митингуй, – поморщился бандит.

«Вот-вот, именно», – сказал про себя Холодковский, – «заткни фонтан, уже наслушались таких уродов за семьдесят лет», а вслух добавил: – Вот договор, подписанный с нашей стороны, и все прочие документы, – Васильев выложил кожаную папку с бумагами на стол.

– Вот наш, – взглядом показал бандит на лежащую на столе папку попроще. Васильев пододвинул документы к себе и углубился в их изучение. То же самое сделал Либерзон, только, в отличие от Васильева, он только делал вид, что проверяет состав и содержание документации.

Воспользовавшись вынужденной паузой, мысли Максима, помимо его воли, снова вернулись к девушке в оранжевом платье. Действительно ли она была настолько необыкновенна, как ему показалось, или это просто был эффект, вызванный несоответствием ее вида и офисного пространства? Но чем бы ни было вызвано произведенное впечатление, отголосок его до сих пор теплился в душе Холодковского. И не только не думал затихать, а разрастался еще больше, захватывая все потаенные ее уголки.

Максиму снова начало казаться, что он видел пришельца из своего самого желанного мира. Перед его мысленным взором поплыли непривычные образы и ассоциации. Он представил дачу, где-нибудь за сто километров от столицы, не свой особняк с несколькими гектарами земли, в котором он проводил в общей сложности пару недель в год, а именно дачу, обычную советскую дачу на легендарных шести сотках. Маленький летний домик, участок, заваленный всяким мусором и обнесенный символическим заборчиком. Весна, сквозь ветки

недавно зазеленевших яблонь греет ласковое солнце. Около дома горит костер, в нем жгут мусор и сухие ветки, накопившиеся за зиму. А перед костром, на раскладном стульчике, сидит та самая девушка и смеется. А смеется она потому, что Максим сидит напротив и рассказывает ей что-то забавное...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.